

Выдающийся критик, литературовед и историк литературы Лев Аннинский, всегда стоявший над враждующими лагерями наших писателей и отдававший должное и “патриотам”, и “либералам”, — лишь были бы талантливыми! — незадолго до смерти передал нам свои размышления о поэзии Ивана Переверзина, в которых, в сущности, поставил автора в ряд современных классиков русской литературы.

Станислав Куняев

ЛЕВ АННИНСКИЙ

ВЕСЛО ПОЭТА

*...Но рая мне не надо прежде,
чем справлюсь с адом на земле...*

Иван Переверзин

Уникальность Переверзина в том, что он не хочет окликать эту самую свою уникальность. Он настолько слит с судьбой, настолько неотделим от обстоятельств своего самоосознания — с детства, юности, молодости, — что отдельно от этих обстоятельств себя не мыслит.

Хотя обстоятельства далеко не райские. Непроходимая тайга... Солнечный жар вдруг сменяется таким холодом, что воздух при дыхании рвёт гортань и, как рашпилем, выжимает слёзы... И что? Слезы эти — от радости, что взрастивший его мир — с ним! И вдохновенье...

“И вдохновенье — тут как тут // — взрывает душу нестерпимо, — // и я, как тундровый якут, // пою о всём, что только зримо...”

Но не только “о листьях и корнях” песня — меж ветвей видна “кладка здания”, крепкий дом выстроен, и “все окрестные дома” возведены “в итоге тяжкого труда” — возведены всем миром, так что отдельность от этого мира немислима.

Ты первородно — со всеми. И поэтому “нельзя быть одному счастливым”. Это — ощущение мира, в котором ты един со всеми, и все чувствуют это так же, как ты. Изначально.

Чем бы ни был занят лирический герой, он это чувствует. И когда до изнеможения обихаживает кустики бесконечного капустного поля. И когда по ухабам и кочкам скачет верхом, чтобы успеть к переправе, пока её не снесло. И когда бражничает с корешами. И когда уединяется с подружкой... Всё время ощущается реальность, в которой всё это происходит. Ощущается земля, её ритм, её музыка.

Надо только вслушаться в эту музыку — дать ей в душе прозвучать.

И она звучит, отлаженная когда-то Пушкиным, Тютчевым, Фетом, но возрождающаяся сейчас вот в этой самой реальности.

“Пусть сил, быть может, и немного, // но ровно столько, чтоб душой // я победил и боль-тревогу, // и радость, бьющую грозой...”

Радость и боль переключаются в этой мелодии. Это необъяснимо рассудком. Потаённо от него мелодия бытия. И её Смысл.

“И вдруг так захотелось плакать // от счастья, что несчастья нет! // Как будто с неба вместо мрака // со звоном льётся звёздный свет!”

Мрак? Свет? Всё обретает смысл, если расслышать мелодию, независимую от проделок и переделок повседневья.

“Всё, что душа достойно совершит, // не подлежит бездумно переделкам. // На этом изначально жизнь стоит, // как время ни летит, срывая стрелки...”

Эта песнь изначально бытия не подвластна зигзагам времени: стрелкам смены ситуаций, молниям и громам эпох...

“Так пой, душа! Не бойся ничего: // ни молнии, ни грома, ни мороза. // Уже давно над жизнью высоко // шумит стихов рассветная берёза!”

В этом рассветном шуме стихов слышится бессмертный четырёхстопный ямб, который то мягко отступает в какой-нибудь трёхсложник, то остро взнуздывается хореем, но скорее всего, это дольник: мелодия живёт ритмом ударных слов.

И этот поэтический ритм бытия проступает из повседневной бестолочи неотступно. Летя через тьму, неподвластную логике:

“Я точно счастлив, что несчастлив, // что в жизни – жизни не пойму. // Словно с душой, открытой настежь, // лечу к рассвету через тьму”...

Это не перевод реальности в параллельный стиховой лад. И не дублирование житейского опыта с помощью рифм и размеров. Это обнаружение Смысла бытия, сокрытого в самой его основе. Только бы расслышать...

А как не расслышать, если этот лад укоренён в поддоне бытия и словно ожидает того, чтобы реализоваться в тексте.

Я прослежу это поэтическое нащупывание смысла у Переверзина на некоторых его темах.

Это ощущение единства – ты и все.

Это ощущение дара любви и греха нелюбви.

Это ощущение беды и счастья... в их нерасчленимости.

Это ощущение жизни и смерти... в их неразделимости.

Это ощущение ада и рая в их... но не будем спешить.

Ты и все... Если живёшь первородно, то есть неотделимо от родного тебе образа жизни, то о благодарности народа можешь специально не заботиться – она придёт естественно и неодолимо. Если ты в чём-то виноват, то не больше, чем любой другой в твоём с ним общении. А если ты оказываешься один, то всё равно несломленный, потому что ты и теперь не один, а со всем миром.

Нельзя быть одному счастливым, это так – “повсеместно и навечно”.

Так почему ты, сын Вилюя, плачешь, если счастлив?

“А я – счастливый сын Вилюя, – // хотя бы потому, что в жизни // пусть безответно, но люблю я, – // и мне не быть на свете лишним”.

Значит, с кем-то.

Любовь?

Это решающий пункт – ощущение любви... Точнее, любви и греха вместе. Потому что в базисном жизнеощущении оба состояния... естественны, грань между ними прихотлива, подвижна и неуловима.

Любовь естественна: “крови жаркой зов”.

И ревность естественна. Хотя иногда и пуста. Указать ей её место – трудно. Потому что и тут – жаркий зов крови. С чернотой по краям.

А грех откуда?

Да оттуда же, из естества. В сердце места греху нет. А грех есть.

Что в итоге? Любовь без правил. Несчастье, прячущееся в счастье, счастье – в несчастье. При молчании Господа, к кому всё-таки возносятся мольбы? От всех. Или от двоих.

“Нас, родная, нынче двое, // и наш закат вдвойне сильнее горит”.

Уловили мелодический стык? Закат горит...

Так есть любовь или нет?

“К сожалению, нету любви”...

Если счастье и несчастье способны меняться местами, оставаясь в нерасчленимости, то остаётся уповать на возвратность циклов.

Есть ли возврат? Или и его нету?

“И остаётся вновь и вновь жалеть, // что существует точка невозврата // к любви, в которой можно умереть, // к надежде, что сбываемостью свята”.

Умереть – в надежде. Надежда и смерть – рядом. Беда и святость вместе. Счастье и несчастье...

Но что такое несчастье? Отчего боль? Откуда слёзы?

Да ниоткуда! Из естества!

А зачем беды перечисляются?

На этот вопрос ответ есть. И не один. Череду ответов. С одним общим смыслом, перечёркивающим эту боль. Аннулирующим жуть. Осушающим слёзы.

“... И кто из нас кому помог // над горем вознестись, как птицам, // неважно, ибо каждый счастье // ковал из боли и ненастья // и верил: счастье состоится”.

Счастье – в беде, в боли. Счастье – в самом несчастье.

Формулы, фантастические по парадоксальной убедительности. В стихе – работают. Прямо-таки афористически...

“Для счастья полного // мне не хватает слёз”...

Неудивительно, что в какой-то точке жизнь уравнивается со смертью. Или так: смерть становится оправданием жизни. Тут естество миропорядка ухает в замкнутую зеркальность. И Смысл смотрится в Смысл.

И счастье – в несчастье. *И свет во тьме...*

Сейчас ослепительное якутское солнце вознесётся в златом ореоле над сопками и, спалив сомнения, снимет вопрос...

Ан нет! Не снимет. И боли не убавит. Разве что песню подскажет запеть...

Теперь дождёмся, когда погаснет песня... в молчании птиц:

“И я – поневоле всё тише, // шагаю сквозь боль на закат, // с печалью глубокою слыша, // как птицы со мною молчат...”

Птицы знают своё дело. Замирание стиха – от немоты разума, бессильного разрешить проблемы бытия на уровне повседневности.

Говоря просто: на уровне ада и рая, как они должны бы реализоваться.

А может, это всё те же сполохи запредельного воображения? И там, в запредельности, они сейчас сольются? И повиснет “такая тишина, как в водной глубине, // будто нет нигде святого рая, // будто ада злого нет нигде”.

Увы, есть. Есть земной ад, откуда хочется в рай... небесный. Туда не пустят? А в рай земной? А если рай земной – это всё-таки ад? По нашей общей вине?

“Вину по полной принимаю, // но коль я всё же – человек, // то рай, – увы, не обещаю, // но ад приму с тобой навек”.

Сказано это любимой в разгар ссоры. Когда ад и рай сваливаются в кучу, меняются ролями, ищут аргументов, чтобы разминуться.

Как чётко обещано в том стихе, который я взял в эпиграф: для того, чтобы ощутить земной рай, надо справиться на земле с адом.

Но как?

Процитирую четверостишие полностью:

“Но рая мне не надо прежде, // чем справлюсь с адом на земле... // И воли свет в моей надежде, // и свет кипящий – на весле...”

Видно, в том Смысл, чтобы надежда крепилась волей, чтобы из этой крепости рождался свет и чтобы всегда кипел этот свет на кончике весла...

...Поэтического весла.

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

СГОРЕТЬ ДОТЛА НАЗЛО СУДЬБЕ...

* * *

Никогда так не было тревожно,
горестно, печально, тяжело!
Где найти такой мне подорожник,
чтобы хоть немного отлегло?

Одуванчик облетит, не скажет,
промолчат ромашки на лугу.
Ветер в поле из колосьев свяжет
с тихим пеньем радугу-дугу.

Пролетит над нею стая уток...
Осень, осень, душу отпусти
в серебром горящий первопуток —
красною рябиной прорасти.

* * *

Скажи, чем женщине, которая
тебя любила, скрасил дни?
Да ради спеси, ради норова
жестоко предал искони.

И этого она не вынесла,
ушла туда, где тьма и тьма.

А ты, исполнен злого умысла,
теперь и впрямь сходи с ума.

Я не злорадствую, я только лишь
пытаюсь взять башкою в толк
всё, от чего ты сам сгоришь,
забытый всеми, подлый волк.

И будет некому, я думаю,
твой чёрный пепел хоронить.
Да и зачем? Судьбу угрюмую —
и ту не мог ты заслужить.

* * *

Вдруг мороз ударил на рассвете,
страх ребристо сморщил синеву.
Снова липы на глазах у ветел
разрыдались листьями в траву.

Жизнь моя, ты вряд ли виновата
в чём-нибудь до горького стыда.
Всё равно, тревогою объятый,
вдруг побрёл дорогой в никуда.

Сник душою, потерял надежду?
Просто я вдали от этих мест
мысленно упорнее, чем прежде,
бился с мраком грозовых небес.

Потрясу башкой своей упрямо,
и к себе вернусь я не за страх.
Что мне стужа, если месяцами
рос в морозы, будто на дрожжах.

* * *

Ты бросила меня на произвол судьбы,
а я ребёнок с обликом невинным,
что с мамой в лес ходил когда-то по грибы,
по кислицу, бруснику
и малину.

Жестокая? Да нет! Уставшая душой
от выходов моих, но ведь дана мне свыше!
И как я без тебя останусь, Боже мой,
такой любимой навсегда,
ты слышишь?!

* * *

Прости, прости, что я посмел
коснуться губ твоих горящих.
Как будто соколом взлетел
на небо чувств животворящих.

Неужто вправду полюбил,
пускай и в шаге от крушенья,
ведь не вернуть ни чистых сил,
ни золотого вдохновенья?!

Как гром бы зло ни грохотал,
на сей вопрос враз не ответить!
И вновь лечу то выше скал,
то ниже придорожных ветел.

Но дам я, дам отчёт себе:
в любви мне только и осталось
сгореть дотла назло судьбе,
чтоб встретить на пороге старость.

* * *

Я не прав, я не прав, я не прав,
и не хмурь, пожалуйста, брови!
Это всё мой тяжёлый нрав,
спичкой вспыхнувший
на полуслове.

Но прощенья просить не спешу,
погрузившись в себя, как в реку.
Словно жизнь, которой дышу,
я чужому отдал
человеку.

* * *

Шторм-море, ты какая ж сила,
какой напор волн грозových!
Как будто встала в рост Россия
с колен разодранных своих.

Не потому ли, как магнитом,
меня всё тянет плыть и плыть
к пещерам, под водой сокрытым,
чтоб тайну бытия открыть?..

Наверно, только сердце точно
бьёт в унисон моим рукам,
гребущим вдохновенно-мощно,
как будто к самым небесам!

* * *

Я многое и, может, даже лишнее сказал,
накрытый наводнением чувств прекрасных!
Теперь пусть помолчит мой мадригал
до срока в ожиданиях ненапрасных.

А ты обдумай каждой строчки крик,
хоть на мгновенье затаив дыханье.
Быть может, вдруг поймёшь, как я велик,
за что, увы, не знать мне оправданья...

* * *

Да, было мне невмочь, да, я писал не в радость.
Как выжил, не пойму! И некого спросить.
Но всё же помнил я, что надо, надо, надо
из сил последних, но стараться дальше жить.

А что теперь в судьбе? Жизнь стала человеческой.
И больше ничего?.. Но больше мне вовек
и нечего просить у Господа, ведь вечность
добуду жизнью всей, как чести человек.

Но в круговерти дел не выживу без риска!
И я рискую вновь всё круче в сердце дня.
Да только что о том, когда летящей искрой
ты, вспыхнув, занялась пожаром для меня.

Но грех же ждать тебя! И я бегу навстречу,
чтобы любить навек в объятьях огневых!
От счастья плачу я, и ты на мои плечи
льёшь слёзы, веря в свет стихов и слов моих.

* * *

Молчишь, ну и молчи! Я не обижусь,
но погружусь в холодную печаль.
Как будто слово злое “ненавижу”
мне в этот миг ни капельки не жаль.

Но буду вспоминать всё вдохновенней,
всё пламенной твой жаркий поцелуй.
И ты меня, души моей царица,
к другим без оснований не ревнуй.

Они встречаются, глядят в глаза с надеждой,
да только между ними и тобой
стоит любовь стеною, как и прежде,
и ты лишь в силах сокрушить её, друг мой.

Но заново я стену буду строить,
поскольку больше нечем жить душе.
Прости, прости! И ждать меня не стоит,
как павшего на горьком рубеже.

Ну и сказал, как напрочь оглоушил
в невыносимо яростной борьбе,
но ты меня обиженно не слушай,
мне в этот миг вновь грустно по тебе.

ЗАГРАНИЧНОЕ

Погода нынче прохудилась —
то воют без конца ветра,
то дождь нахлестывает с силой,
как будто умирать пора.
Сей образ, может быть, и верен,
но вправду лучше буду жить,
терпя потерю за потерей,

но время находя любить
и соловьёв сладкоголосых,
и солнечный простор небес,
и речки бархатные плёсы,
и заново расцветший лес,
и пьяный запах свежей хвои,
и будто в серебре снега,
и дни надежды, дни покоя,
когда жизнь точно дорога.
Но наперво тебя, родная,
с макушки самой и до пят.
И пусть, от зависти сгорая,
мерзавцы всех мастей вопят.
Погода явно прохудилась,
но главное совсем не в ней,
а что я возвращусь в Россию
с любовью вечною своей.

В ГОРАХ КАВКАЗА

Всегда всходить на гору проще,
тем паче, если впрок силён.
Но путь назад почти наощупь —
и ясным днём опасен он!

Все эти скорбные могилы
как подтвержденье слов моих.
О, сколько молодых и сильных
покоится до срока в них!

Но, как сегодня ни печально
и ни тревожно на душе,
вершина вновь зовёт нахально,
мол, поскорей всходи уже.

И я взойду, пусть и со страхом,
но с верою, что в вышине
развеются сомненья прахом,
и не лежать в могиле мне!

Над головой сияет солнце,
лазурь прозрачная насквозь.
Ещё я здесь, но сердце бьётся
как будто в окруженье звёзд.